

© —ОЛЯ—1990

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

В. А. АВЕТИСЯН

ГЁТЕ И ПУШКИН

(Об одном дискуссионном аспекте проблемы)

Изучение проблемы «Гёте — Пушкин» имеет свои традиции [1; 2, с. 105—113; 3—11]. Формирование одной из них связано с высказанным в 1968 г. французским славистом А. Менье предположением о знакомстве Гёте со «Сценой из Фауста» Пушкина и о влиянии последней на окончание второй части «Фауста» [10, 11]. Как у нас в стране, так и за рубежом гипотеза Менье вызвала и продолжает вызывать различные, подчас диаметрально противоположные отклики.

Непосредственный импульс конституированию указанной гипотезы был дан двумя обстоятельствами. Во-первых, идейной и сюжетной близостью «Сцены из Фауста» Пушкина и одного из эпизодов пятого акта второй части «Фауста» Гёте — сцены «Дворец». Во-вторых, известным хронологическим опережением пушкинского творения: «Сцена из Фауста» (под этим названием напечатана в «Стихотворениях Александра Пушкина» в 1829 г., первоначально — «Новая сцена между Фаустом и Мефистофелем», опубликована в журнале «Московский вестник» в 1828 г.) написана в 1825 г., эпизод «Фауста II» был создан Гёте в 1831 г.

Однако близость, какой бы характер она ни носила, сама по себе еще не свидетельствует о зависимости, влиянии или даже знакомстве. Рискую сказать банальность, заметим, что гётевская сцена могла быть создана вне каких бы то ни было контактов ее автора с пушкинским произведением. Архетип символической ситуации, изображенной в сцене «Дворец», был смоделирован Гёте еще в 1799 г. в оставшейся незаконченной эпической поэме «Ахиллеида» (написана первая песня и сохранился достаточно подробный план семи других) [12, с. 269—294, 435—449; 13, с. 285—300]. В отечественном гётеведении «Ахиллеида», тематически непосредственно примыкающая к гомеровской «Илиаде», не привлекала к себе сколько-нибудь серьезного внимания, а между тем она интересна как в качестве выдающегося опыта создания Гёте антиклизированного произведения, так и в плане генезиса образа Фауста.

На протяжении длительного времени образ Ахилла как идеального героя античного мира сосуществовал в творческом воображении Гёте с образом Фауста, воплощавшим «романтическое» искусство христианского Запада. В набросанном 16 декабря 1816 г. плане второй части «Фауста» Гёте характеризует сумевшего завоевать любовь Елены Греческой Фауста как «наследника иных героев и полубогов» [14, с. 460]. Такая его характеристика многозначительна: поэт, конечно, знал, что, согласно одной из версий мифа о Елене, среди тех, кто добился ее благосклонности, был и Ахилл.

Обнаруживаются и черты сходства Фауста с другим легендарным героем античности — Эдипом, особенно в той его интерпретации, которая дана в трагедиях Софокла. В статье «Примечание к „Поэтике Аристотеля“», написанной в 1827 г., Гёте аттестует Эдипа как человека, «попадающего